

Толерантность речевой коммуникации в дискурсивно-стилистическом аспекте

НАТАЛИЯ В. СОЛОВЬЕВА

(Пермь)

Обращаясь к исследованию толерантности в дискурсивно-стилистическом аспекте, введем два пояснения. Первое – связано с необходимостью определить содержание этого понятия, потому что дискуссии, вызванные обсуждением феномена толерантности, не утихают до сих пор. Одни отвергают термин, считая его навязанным западной культурой и в связи с этим чуждым. Другие, наоборот, признают толерантность той добродетелью, без которой невозможно существовать в современном обществе. Чем вызваны столь противоречивые реакции? На наш взгляд, многозначностью самого понятия.

Являясь заимствованной из английского языка, эта лексема в русском языке имела два сходных значения – устойчивость (=переносимость) и терпимость. Толерантность в значении *устойчивость к воздействию* используется в медицине и ряде гуманитарных наук (социологии, психологии, философии и др.), в то время как синоним *терпимость* – в обыденной речи и означает *способность терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным к поступкам других людей*.

Однако в конце XX века становится актуальным третье значение толерантности как *культурной, нравственной, этической ценности*, возникшее в результате перестройки представлений об этом понятии, что в лингвистическом отношении привело к расщеплению семантики лексемы. Так, Н.В. Данилюк пишет: «В сферу понятия вовлекаются субъект и его деятельность, и из “пассивной” толерантность превращается в “активную”, включающую не только смирение, но и познание, оценку, принятие решений, понимание чужого мнения», т.е. активное (деятельное) отношение к миру [Данилюк 2001: 92]. Отсюда становится очевидным, что отвергается обществом не само понятие толерантности, а та отрицательная коннотация, которая закрепилась за одним из его значений в процессе функционирования – *пассивное, безразличное отношение к другому*.

Говоря о толерантности речевой коммуникации, мы подчеркиваем важность «активной позиции» в понимании этого феномена и определяем

его как свойство диалогического взаимодействия, ориентированного на сотрудничество, взаимоуважение и взаимопонимание. В сфере науки это свойство присуще речевому поведению субъектов научной коммуникации и может интерпретироваться в качестве категории речевого общения.

Второе пояснение, которое необходимо сделать, связано с понятием «дискурсивно-стилистический». Дискурсивно-стилистический подход предполагает исследование текста с позиций дискурсивного и функционально-стилистического анализа одновременно. При этом дискурсивный компонент такого подхода ориентирован на учет влияния экстралингвистических факторов на порождение текста, стилистический компонент связан с изучением языковых средств репрезентации содержания этого текста.

Основываясь на отмеченных М.Н. Кожинной положениях об общности методологических принципов функциональной стилистики и дискурсивного анализа (Кожина 2004: 25–26), Е.А. Баженова справедливо подчеркивает правомерность сближения этих методов исследования применительно к научному тексту (Баженова 2005: 20). Развивая эту идею, М.П. Котюрова заключает: «...функционально-стилистический анализ научных текстов, их обобщенных свойств, а также характеристик, присущих текстам с типовым – научно-познавательным – содержанием, вполне может, а на данном этапе развития гуманитарной науки даже должен быть дополнен, углублен, расширен за счет дискурсивного анализа текста. Вместе с тем изучение текста, специально ориентированное на дискурсивный анализ, с учетом конкретных социальных и психологических особенностей автора, понимаемого как субъект познавательно-коммуникативной деятельности, также может быть дополнен, расширен, обобщен за счет функционально-стилистического анализа» (Котюрова 2009: 29).

Соглашаясь с авторами, раскроем возможности дискурсивно-стилистического подхода к исследованию толерантности речевой коммуникации в жанре научной дискуссии, поскольку считаем, что именно в дискуссии, которая ориентирована на выражение различных, а значит, нередко противоположных, мнений с целью защиты *своей* точки зрения, получает яркое воплощение проблема толерантности.

Функционально-стилистическая и *дискурсивная* составляющие этого подхода связаны, во-первых, с квалификацией материала, выбранного для исследования. Мы обращаемся к анализу определенного типа текстов – письменным научным дискуссиям, в которых посредством научного

функционального стиля зафиксирована научно-познавательная деятельность ученых.

Однако на основании того, что тексты научной дискуссии объединены диалогической и темагической целостностью (см. определение: письменная научная дискуссия представляет собой совокупность нескольких текстов статей, посвященных обсуждению научных проблем и поиску взаимоприемлемого их решения компетентными лицами), можно заключить, что научная дискуссия является формой научного дискурса. В доказательство этого положения процитируем мнение В.Е. Чернявской о том, что дискурс – «...это совокупности тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но в комплексном взаимодействии многих текстов» (Чернявская 2007: 9).

Во-вторых, в ходе анализа функционирования категории толерантности речевой коммуникации в научных текстах мы применяем категориальный подход, который широко апробирован именно в функциональной стилистике и потому не требует специальной разработки. Этот подход предоставляет эффективные методы исследования для выявления и описания репертуара средств речевой репрезентации категории толерантности. Так, анализ материала показал, что носителями значений толерантности/нетолерантности могут выступать языковые единицы разных уровней: словообразовательные – *величайший, лженаука, антиисторический*; лексические – *знаменитый, важный, ложный, порочный, пресловутый* (включая сочетания фразеологического характера – *фундаментальная мысль, порочные толкования, реакционные идеи*); морфологические – *иллюзии, притязания*; синтаксические – *оказать значительное влияние, однако нельзя согласиться*. Значение толерантности/нетолерантности может передаваться также посредством стилистических приемов, контекстуально и графически («творцы», «вредное» влияние, «пресловутое чудо»).

Однако для интерпретации толерантности/нетолерантности в конкретных текстах недостаточно учитывать лишь сильнодействующие стилиеобразующие факторы (форму общественного сознания, тип деятельности, тип мышления). Становится неизбежным обращение к другим экстралингвистическим факторам, не столь сильнодействующим (если иметь в виду функциональный стиль), «размытым» средой реального функционирования языка. Мы полагаем, что в данном случае функционально-стилистический подход должен выступать в единстве с дискурсивным анализом совокупности текстов научной дискуссии,

и это позволит объяснить разную степень экспликации толерантности речевой коммуникации.

В результате применения этого подхода установлено, что характер речевого взаимодействия в научной дискуссии во многом определяется индивидуальными особенностями языковых личностей исследователей и их целеустановками (стремлением к коммуникативному сотрудничеству или коммуникативному доминированию), которые получают конкретное воплощение в стратегиях и тактиках речевого поведения. Коммуникативная целеустановка «кооперативное сотрудничество» выражается посредством кооперативных стратегий и тактик. Коммуникативная целеустановка «конкуренция» реализуется через конфликтные речевые стратегии и тактики.

Справедливо мнение Т.Н. Колокольцевой о том, что «по отношению к каждой языковой личности можно говорить о доминирующем типе речевого поведения. В силу индивидуально-психологических особенностей, личностных установок, уровня образования и ряда других факторов выделяются субъекты, тяготеющие к гармоничному [толерантному – Н.С.] или негармоничному [нетолерантному – Н.С.] речевому поведению. Одни говорящие склонны к ведению диалога на паритетных началах, другие – к коммуникативному доминированию (лидерству) любой ценой» [Колокольцева 1999: 120]. Эти установки мы спроецировали на основные типы речевого поведения участников научных дискуссий: конструктивный, полемический, идеологический.

1. Конструктивный тип речевого поведения отличает нацеленность на интересы *другого*, что выражается в уважительном отношении к оппоненту, в стремлении понять и осмыслить его позицию, при этом не ущемляя право на существование собственной позиции. Участники дискуссии, ориентированные на этот тип речевого поведения, используют тактики, эксплицирующие заинтересованность в коммуникативном сотрудничестве, например:

- тактика рекомендации: *Мне представляется, что в приведенном отрывке проблема стилей ставится иначе... Во всяком случае, было бы полезно критически осветить понятие стиля языка...* [Сорокин 1954: 72];

- этикетная тактика снижения категоричности высказываний: *Мне представляется, что на критические аргументы В.П. Зинченко в адрес существующей теории вряд ли можно дать убедительные ответы)* [Лазарев 2001: 40];

- тактика уступки: *Здесь В.В. Давыдов делает важный шаг от традиционного понимания механизма интериоризации, но мне представляется, что этого недостаточно* [там же: 44] и др.

В ходе такого обсуждения дискуссия протекает как гармоничный диалог, целью которого является получение и развитие нового знания.

2. Полемический тип речевого поведения характеризуется установкой на некооперативное взаимодействие, обусловленное стремлением видеть в оппоненте конкурента (противника), что проявляется в негативном отношении к содержанию его речи, а порой даже к личностным особенностям. В связи с этим полемист прибегает к тактикам нетолерантного общения, которые имеют целью «нейтрализовать» позицию оппонента и утвердить приоритет собственной позиции, например:

- тактика иронизирования и конфронтационного вопроса: *Встает вопрос, как столь странная концепция могла зародиться у человека, занявшегося пограничными (но ведь не потусторонними же!) проблемами и к тому же считающего себя (и, видимо, искренне) материалистом? Публикуемая статья N дает ответ на этот вопрос* [Баженов 1974: 75];

- тактика диффамации (обесславливания), выражаемая негативно-оценочной лексикой в адрес оппонента: *Нет никакого сомнения, что специалист с таким методологическим багажом нужен только для того, чтобы мутить воду. ...Возможно, автор здесь хотел сказать нечто иное, более тонкое, или об ином, но оно ускользает от понимания, ибо выражено весьма туманно. Обычно так говорят дилетанты со стороны, бесплатно раздающие свои советы* [Губин 137 – 138] и др.

Таким образом, высокий процент средств выражения нетолерантности в текстах научных дискуссий мы соотносим с ориентацией субъекта познавательной деятельности на полемический тип речевого поведения. В случае, если установка на конкуренцию характерна для всех участников дискуссии, имеет смысл говорить о подмене научного дискурса публицистическим.

3. Наконец, когда условия речевого взаимодействия осложняются воздействием фактора политической идеологии, иначе говоря, установка на коммуникативное доминирование дополняется прагмаидеологической установкой, можно наблюдать особый тип нетолерантного речевого поведения – **идеологический**. Речевое поведение идеолога характеризуется публицистичной манерой изложения, выражением открытой враждебной (порой агрессивной) настроенности по отношению к оппонентам, тяготением к семантическому противопоставлению «своих» и «чужих». Это поведение иллюстрируется такими речевыми тактиками, как:

- лозунговая, призывная тактика: *Нет сомнения в том, что советские химики, воспитанные на великих традициях русской химической науки...*

вооруженные марксистско-ленинским мировоззрением и руководимые великой партией Ленина – Сталина, сумеют успешно выполнить стоящие перед ними задачи [Курсанов 1950: 544];

- тактика агрессии, атаки на оппонента: *Как верный слуга реакционной буржуазии, Узланд, конечно, ни словом не упоминает о работах советских ученых. Однако среди многочисленных указаний на работы буржуазных ученых Узланд не забывает сослаться на труды невозвращенца Чичибабина и бывшего белогвардейца Кистьяковского* [Татевский, Шахпаронов 1949: 188];

- тактика создания образа врага и тактика поляризации «... совершенно очевидно, что *Я.К. Сыркин и М.Е. Дяткина выступили перед советской общественностью в незавидной роли пропагандистов заведомо ошибочной и порочной теории американского химика Паулинга ... Это линия рабского пресмыкательства перед буржуазной наукой и культурой, замалчивания достижений советской науки, линия разоблаченных нашей партией космополитов...*» [там же: 191] и др.

Присутствие в сознании языковой личности прагмаидеологической установки обуславливает проявление идеологической нетолерантности в текстах, где находит отражение соответствующий тип речевого поведения. Совокупность текстов научной дискуссии, реализующих эту установку, можно относить к политико-идеологическому дискурсу.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что исследование толерантности речевой коммуникации в дискурсивно-стилистическом аспекте позволило, во-первых, описать репертуар языковых средств ее репрезентации; во-вторых, объяснить характер экспликации этих средств проявлением доминирующего типа речевого поведения участников дискуссии, что, в-третьих, приводит нас к осмыслению проблемы установления границ дискурсов с позиций толерантности.

Литература

- Баженов Л.Б., 1974, *Некоторые замечания по поводу публикаций В.В. Орлова, „Философские науки“ № 5, с. 74–78.*
- Баженова Е. А., 2005, *Дискурсивно-стилистический анализ научного текста. – Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 9. Пермь, с. 18–24.*

- Губин В. Б., 2003, *Синергетика как новый пирог для «постнеклассических ученых» или отзыв на автореферат докторской диссертации, „Философские науки”, № 2, с. 121–155.*
- Данилюк Н. В., 2001, *Развитие концепта толерантности в немецком языке. – Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований, Калининград, с. 88–93.*
- Кожина М. Н., 2004, *Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций. – Текст–Дискурс–Стиль, Санкт-Петербург.*
- Колокольцева Т. Н., 1999, *Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге). – Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. трудов, вып. 28: Антропоцентрические исследования, Саратов, с. 114–125.*
- Котюрова М. П., 2009, *Стилистика научной речи: учебное пособие, Пермь.*
- Курсанов Д. Н., Гоникберг М. Г., Дубинин Б. М., Кабачник М. И., Каверзнева Е. Д., Прилежаева Е. Н., Соколов Н. Д., Фрейдлина Р. Х., 1950, *К вопросу о современном состоянии теории химического строения. – Успехи химии, т. XIX, вып. 5, с. 529–544.*
- Лазарев В. С., 2001, *Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления, „Вопросы философии”, № 3, с. 33–47.*
- Сорокин Ю. С., 1954, *К вопросу об основных понятиях стилистики, „Вопросы языкознания”, № 2, с. 68–82.*
- Татевский В. М., Шахпаронов М. И., 1949, *Об одной махистской теории в химии и ее пропагандистах, „Вопросы философии”, № 3, с. 176–192.*
- Чернявская В. Е., 2007, *Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность. – Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сб. науч. ст. Санкт-Петербург.*